УДК 821.161.1 https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3(28).13

**Н.С.Титова**

# ЗМЕЕБОРЧЕСКИЙ МОТИВ В ТВОРЧЕСТВЕ В.А.ШУФА КАК ОТРАЖЕНИЕ БОРЬБЫ ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА С СИЛАМИ ЗЛА

Анализируется архетипический мотив змееборчества как один из доминирующих мотивов многогранного наследия Владимира Александровича Шуфа — незаслуженно «забытого» поэта рубежа XIX—XX вв. Отмечается, что в целостном, иконичном наследии Шуфа, указывающем путь к обретению истинных духовных православных ценностей в противоположность богоборческим, «богоискательским» устремлениям модернистов, важную роль играет мотив борьбы с силами зла (Дьяволом, Сатаной, бесом, мусульманским Эблисом), воплощёнными также в художественных образах Змия или Змея, Дракона, которых призван победить, по традиции, Георгий Победоносец, явно предстающий лишь в двух произведениях поэта, но имплицитно сопровождающий автора и лирического героя во всём творчестве. Шуф продолжил духовные традиции русской литературы — в первую очередь, Тургенева и Достоевского, трактуя образы революции и революционера как порождение бесовских сил. Шуф в своем наследии показал, что утрата традиционных духовных ценностей может привести Россию к апокалиптическим потрясениям и каждый человек по пути «в мир иной» должен одержать победу над Змеем во всех его ипостасях, как Святой Георгий.

***Ключевые слова:*** змееборческий мотив, Георгий Победоносец, Владимир Александрович Шуф, Серебряный век русской литературы, историко-литературный процесс рубежа XIX—XX вв., духовные традиции

С начала XXI века в историко-литературный процесс возвращаются имя и наследие «забытого» в течение почти целого века поэта, писателя, журналиста Владимира Александровича Шуфа (1865—1913). В нескольких наших работах (2015—2019 гг.) описан «реабилитационный» путь возвращения поэта Серебряного века и его произведений в русскую литературу, к читателю [1, 2 и др.].

Отзывы о произведениях Шуфа весьма противоречивы, что связано с идеологическими, резко выраженными полярными взглядами рецензентов. Размежевание между двумя лагерями — приверженцами традиционного, монархического пути развития России и группами людей, проповедующими социалистические, революционные идеи, — на рубеже XIX—XX вв. приобретала всё более ожесточённый характер, проявившийся и в рецензиях, и в критических статьях.

Высоко оценивалось творчество В.А.Шуфа в статьях, рецензиях и некрологах, размещенных на сайте, посвящённом поэту [3]. Обратим внимание на два некролога из «Петербургского листка», упоминаний о которых на сайте не выявлено. В одном журналист Н.Афанасьев, кратко описывая важнейшие вехи жизненного и творческого пути Шуфа, разрабатывавшего, с одной стороны, «в прозе и стихах злободневные темы», с другой — тянувшегося «к новизне и к восприятию красочных впечатлений», не смог не отметить высокие человеческие качества поэта, отличавшегося «поразительной скромностью — почти застенчивостью, всегда доброжелательностью» [4].

В некрологе «Шуф как поэт» Н.Юрьин (псевдоним Н.Н.Вентцеля — поэта, писателя, драматурга, критика, одного из участников «Вечеров Случевского») писал, что Шуф, умерший от злой болезни (чахотки) в 49 лет, «не сделал всего того, что мог бы сделать». «В позднейшем периоде» творчества этого подлинного поэта, настоящего искателя красоты, по мнению Юрьина, нельзя не заметить «уже и большую углублённость мысли, и более широкий охват тем», своеобразие формы, «переживания глубоко чувствующего человека, которыми невольно заражается и читатель». Юрьин констатировал, что в произведениях Шуфа отражено «не холодное “богоискательство”», которое встречалось «у поэтов-модернистов, а поиски мятущейся души» и «своим творческим порывам, исканиям правды и смысла жизни» поэт «отдавался с увлечением» [5]. По сути, Юрьин, отмечая важнейшие достоинства наследия Шуфа, невольно прояснял возможные причины его забвения в скором будущем после преждевременной смерти: «забытый» поэт Серебряного века, свои духовные поиски противопоставляя «богоискательству» ряда современников, понимал, что единственный верный путь и России, и каждого человека — к постижению вечных ценностей, неуклонное следование традициям Святой Руси. Вовсе не случайно во всём творчестве Шуфа глубоко осмысляется евангельское «Азъ есмь путь, и истина, и животъ» (Ин 14: 6); «Богъ любы есть» (1 Ин 4: 8).

По традиции, «бытие всякой народной словесности», отмечается в статье «Самодержавное начало в древнерусской словесности» А.В.Моторина, «определяется ее духовными началами, то есть теми словесно выраженными образами-понятиями, которые способствуют ее развитию от истока, направляя творчество писателей к высшим целям» [6]. Шуф, находясь в самом центре общественно-политической, культурной жизни России и осознавая истинное предназначение словесного искусства, остро ощущал необходимость защиты духовных основ русского православия и своими произведениями утверждал, что поступь в мир горний предполагает неустанную борьбу с врагом рода человеческого — Дьяволом (Сатаной, Бесом, мусульманским Эблисом), часто изображаемого в образе Змия или Змея, Дракона, а защитником Истины, Земли Русской, побеждающим Зло, в первую очередь, является Георгий Победоносец. Так, змееборческий мотив как отражение

борьбы Георгия Победоносца с тёмными силами зла и эксплицитно, и имплицитно реализуется в целостном иконичном мире наследия Шуфа.

Важно отметить, что Шуф входил в русскую литературу в эпоху роста радикализма и революционного терроризма среди интеллигенции, когда молодыми людьми овладевало «новейшее модное» во второй половине XIX века «безверие» [7] и как отклик на атеистические воззрения рождались антинигилистические произведения, лучшими из которых стали романы И. Тургенева («Отцы и дети») и Ф.Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы»). В это же время началось исследование мотива змееборчества в трудах А.Н.Афанасьева [8] А.Н.Веселовского [9] А.И.Кирпичникова [10]; продолжилось в начале XX века в работах А.В.Рыстенко [11, 12] Лопарева [13], а во второй половине XX века — в исследованиях М.В.Алпатова [14], В.Я.Проппа [15, 16] и др.

Змееборчество как архетипичный мотив привлекает внимание исследователей иконы, культурологов, филологов и на рубеже XX—XXI вв. Среди многочисленных работ нельзя не обратить внимание на монографию С.Я.Сендеровича [17] и на статью А.И.Бер-Глинки, в которой учёный, исследуя фольклорную традицию (Европы, Передней и Южной Азии и Африки) изображения змея «как мифологического персонажа» [18, с. 435], приводит обширный список по теме не только на русском, но и на английском, немецком, французском, греческом, литовском, итальянском, испанском и других языках [18, с. 560-568].

Подвиг Георгия Победоносца, победившего змия, волновал художников слова особенно в переломные эпохи, какой являлось мятежное, грозовое время рубежа XIX—XX вв., когда разрушались, казалось бы, незыблемые основы веры, причём не только православной. Образ Георгия Победоносца воссоздаётся в творчестве А.А.Блока («Поединок»), И.А.Бунина («Алисафия»), Н.С.Гумилёва («Видение», «Память»), А.А.Ахматовой («Колыбельная»), М.И.Цветаевой («Московский герб», «Егорушка», «Георгий»), Б.Л.Пастернака («Сказка», «Ожившая фреска»), М.Кузмина («Святой Георгий»), А.Несмелова («В ломбарде») и др. Так, Н.В.Налегач подробно анализирует мотив змееборчества в поэзии Н.С.Гумилёва в контексте отечественной и мировой культуры [19].

Образ Огненного Змея находит воплощение в мифологии разных народов: в русском фольклоре предстает Змей Горыныч, Змей Тугарин, Змиулан; в других славянских языках, в частности в сербском — Змей Огненный Волк.

В христианстве Змей-искуситель отождествляется с Сатаной на основании Откровения Иоанна Богослова: «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр.)

Творчество Шуфа является важным звеном в осмыслении и разработке змееборческого мотива в русской литературе; в разных жанрах наследия поэта — как в лирических, так и в прозаических и лиро-эпических произведениях — осмысляются различные значения слова «змий» («змей») как «диавол»; «левиафан» (Пс. 103, 26); дракон (Пс. 90, 13); антихрист и др.

Борьба со змием как с врагом, низверженным Богом и постоянно искушающим человека, нашла отклик в первом сборнике «Крымские стихотворения» (1890), в котором Крым предстаёт благословенным краем. Во второй редакции (1898) автор изменяет композицию, открывая книгу стихотворением «На пути» одноимённого раздела, точно обозначая вектор своего творчества, посвящённого «Азъ есмь путь, и истина, и животъ». Лирический герой, «утомлённый жестокой борьбою», пребывает в мучительных писках смысла жизни, духовного пути, постижения истины [20].

В сборнике сонетов «В край иной…» (1906) [21], словно являющимся откликом на блоковский цикл «Пузыри земли», духовная борьба разворачивается с новой силой. Лирическому герою, чей «слух внимал громам землетрясений, / Великих войн, народных бурь и гроз», не суждено было видеть небесные откровения, какие открылись Иоанну «на острове Патмос», но дано понимание глубины Иоанновых предсказаний:

Созрела жизнь, как спеет плод осенний.
Грядет, как жнец, невидимый Христос,
И некто в мир, предшествуя, принес
Посевы зла и темных лжеучений.

Приходит час, встает из бездны зверь.
О, милый брат, пророкам тьмы не верь,
Пои свой дух из чистого потока.

Прав Божий гнев, а время недалеко, —
На небеса открыта будет дверь...
Грядет Господь звездою от Востока.
Сонет CXCIII. «Из Апокалипсиса [21, с. 213].

Шуф как корреспондент описывал жуткие картины резни армян [22], был свидетелем Греко-турецкой войны [23], не раз попадал под пули на Русско-японской войне, впечатления от которой нашли отражение в многочисленных корреспонденциях для газеты «Новое время» [24] и в художественных произведениях разных жанров.

В опубликованном в 1907 г. романе «Кто идёт?» [24], написанном под впечатлением от событий Русско-японской войны (ход которой освещал как корреспондент «Нового времени») и первой русской революции (первого этапа русской революции), война и революция показаны Шуфом как дьявольское порождение: подробно описаны бои забайкальцев с японцами, которые «ползли, как змеи». Это была настоящая охота, травля, когда казаки, похожие «на псарей и доезжачих, улюлюкавших по красному зверю», «искали, выслеживали друг друга и, подкараулив, били наверняка». Автор романа «Кто идет?» словно отсылал читателя к двум эпизодам романа Л.Н.Толстого «Война и мир»: к эпизоду охоты и эпизоду травли Николая Ростова французами. Шуф не только отмечал бессмысленность войны, но и, используя сравнение-параллелизм со змеями, многократно подчеркивал её бесчеловечный, сатанинский, «змеиный» характер. Автор романа сравнивал, во-первых, неприятеля с дьяволом, невидимым и неуловимым, способным мгновенно исчезать «среди зеленовато-желтых высот, покрытых низкорослыми деревьями», а, во-вторых, поле битвы с настоящим адом, когда «ружейная трескотня смешивалась с грохотом орудий, рвались шимозы и ежеминутно вспыхивали огни» [24, с. 82].

Кроме того, в романе перед повествователем предстают как исчадие ада драконы; мрачные божества Востока; свирепый, сеющий «по всей Манчжурии» семена злобы бог войны Лао, которому молятся китайцы [24, с. 10].

Даже пейзажные зарисовки, внушая ужас, напоминают мифические изображения нечистых духов, демонических тёмных сил: и «облака на небе», и «очертания деревьев и гор», и «голубоватые, иззубренные, как неровная пила, утесы горного хребта», и стоящее посреди двора «священное дерево, древнее, дуплистое, с изогнутыми ветвями, похожими на ползущих драконов», и «извилистая речка», сверкающая, «как золотой змей» [24, с. 8-9]. «Разве это не учение ветхого противника Творца вселенной? — задается вопросом повествователь, и сам отвечает: — Древний змий стал любимой эмблемой востока, ползущим китайским драконом, образ которого здесь начертан всюду» [24, с. 97].

В описании Лаояна — типичного манчжурского города, такого же старого, как Хайчен или Мукден — отмечалось, что даже стены этого города, громадные, серые, со сквозными башнями, несколько напоминавшими московский кремль и Китай-город, «своими зубцами они еще более походили на хребет китайского дракона, то всползавшего на гору, то опускавшего чешуйчатый хвост в глубокую долину» [24, с. 112].

Война на Дальнем Востоке родила кровавую «смуту в России», «аграрные беспорядки, политические убийства» [24, с. 170]. Революция надвигалась, по мнению автора, как «нечто страшное», «как грозовая туча» [24, с. 171]. При описании образа Апокалипсиса — красного дракона «Иоаннова откровения» — Шуф использует прием параллелизма: «Разве не вставала, подобно зверю из бездны, эта грозная, тысячеголовая толпа, воспламененная бешеными страстями? Для меня была ясна и несомненна таинственная связь между событиями на Дальнем Востоке и тем, что совершалось теперь в России. Здесь также были трупы и кровь» [24, с. 213]. Таким образом, в синонимический ряд становятся не только змей (змий), дракон, Сатана, Дьявол, Антихрист, смерть, но и революция [25] как возврат к языческому идолопоклонству.

Образ дракона лирический герой Шуфа видит не только в китайских святилищах, но и в Крыму, в Солдайе (Судаке), «где море Черное шумит» и «над скалою замок генуэзский», «где на утес крутой / Хребет зубчатых стен по горным склонам / Всползает вверх змеящимся драконом». Метафорический образ «зубчатых стен гор», напоминающих хребет дракона, словно символизируют тернистый путь в горний мир [21, с. 171].

За три с половиной месяца до смерти Шуфа в «Новом времени» было опубликовано поэтическое осмысление поэтом жития Марии Египетской «Арфа пустыни. Христианская легенда» (1913, 27 июля). «От желтых берегов, где спит Александрия», на корабле «к Святой Земле, к церквам Ерусалима» спешат пловцы, хранимые в пути молитвами и канонами, но пение, «задорный смех» и «лукавый взор» Египтянки «Порой смущают всех, нарушив стройный хор»:

Соблазн — её слова, чужда стесненья речь.
В беспечности своей греха почти не зная,
Она — раба страстей, дитя родного края,
Где пылко льется кровь, где солнца зной палит,
Где розы и любовь, но Бог любви забыт.

Шуф акцентирует внимание читателя на том, что дева «стремилась в путь» «на корабле *чужом*», поскольку Египтянка, чья «душа тоской по небу не томима», отправилась в путь — в «*чужой / чуждый*» для нее святой край, где «нет земных тревог», где «откровенья слово, / Вещал страдавший Бог, увенчанный сурово», где, «*чужд* ее мечтам, не звал и не манил / Свет веры, ясный там, в мерцании светил» (курсив мой).

Деву, смущающую своим пением «паломников святых», Шуф сравнивает с бесом, дразнящим «их, как злое искушенье». Но нищий старец — «слеп он был, безумен или стар», —

«в деве угадал губивший в мире всех / Безумия фиал [здесь: сосуд, вместилище] и сладкий сердцу грех» и подарил ей арфу:

Был дивен старца дар.
Исполнен вещих грез и тайной благостыни,
На пристань он принес ту арфу из пустыни.

Под воздействием золотых струн послушной арфы тает «порыв страстей», происходит преображение:

Но чудо! — как во сне, её блуждают руки, —
К небесной вышине летят святые звуки!
Несется песнь в тиши, — и дивен арфы звон;
Проснувшейся души блудница слышит стон.
Веселья смех забыв, она тоской палима,
И струн звучит призыв, как песня Серафима.

«Невидимый Господь» призвал идти «за Иордан», где «дух найдет покой», где «мир душевный дан от суеты людской», где «вьется желтый прах и над песком пустыни / Сияют в небесах блаженных звезд святыни», где «безгласной» становится «плоть» и замолкает «страсти зов», светлеет «дух свободный». И только «блаженный муж» Зосима, когда «Один он шел порой ночной, а «Песок немых долин был озарен луной, / Была прозрачна мгла», стал свидетелем, как, точно тень тумана, /Святая тихо шла по водам Иордана» [26].

Бес — змей-искуситель, заражающий человека грехом прелюбодеяния со времен Адама и Евы. Борьба с этим дьявольским наваждением, с плотскими страстями находит отражение во многих произведениях поэта Серебряного века, в частности в драматической поэме «Рыцарь-инок», опубликованной в 1908 году и посвященной защите Святой Руси в эпоху Александра Невского, когда «С мечом восстала Русь, творя молитвы», и «От Волхова, твердынь Святой Софии, / От белых стен зубчатого кремля» шла, «подняв щиты стальные, / На ратный подвиг русская земля!» [27, с. 75]. Дьявол не только сеет зерна злобы, ненависти, вражды между народами и государствами, побуждая нарушить заповедь «Не убий», но и побуждает предать забвению другую заповедь «Не прелюбы сотвори (не прелюбодействуй)» Один из героев драматической поэмы «Рыцарь-инок» католический священник отец Ансельм, исповедуя герцогиню Белу, стоящую «на коленях перед аналоем» и признающуюся в измене мужу, спрашивает: «Как змей лукавый искусил тебя?», понимая, что этот «плотский грех ужасен и велик» и «Нет греха печальней»: «Великий грех — забвение обета, / Пред небом данного», — способен отклонить человека «с пути святого / И погубить навеки дух живой» [27, с. 65-67].

Лирический герой Шуфа призывает преодолевать грехи, подобно Марии Египетской, для трудного восхождения по тернистому пути в мир горний.

«Чтимый Небесным царём воин», Георгий Победоносец, всего лишь дважды явно предстаёт в произведениях Шуфа — впервые в романе «Кто идет?» про описании апокалиптических картин первой русской революции, когда «народная смута подымала свои шипящие головы, когда «темные силы выходили из своих нор, разнуздывались низкие инстинкты черни» и «нигде не было святыни», а «неведомый голос», нашептывающий людям страшные слова призывал «к убийствам, мести и разрушению»: «Революция, как змея, извивавшаяся под копытами лошадей «Медного всадника» и Св. Георгия, ползла в ночной темноте» [24, с. 213-214].

Образ Георгия Победоносца как змееборца и защитника России возрождается и в переводе Шуфом сонета Кернера «Москва». Поэт Серебряного века перевёл сонет Кернера в 1912 году, когда праздновалась столетняя годовщина Бородинского сражения, за год до своей смерти. Шуф-переводчик, как и Кернер, выразил уверенность в том, что после суровых испытаний, как и после Бородинского сражения, пожара Москвы, Россия и ее столица будут способны воскреснуть:

И обновятся силы молодые.
Святой Георгий вновь взмахнет копьем! [28].

Возвращение в лоно русской литературы незаслуженно забытых поэтов и писателей, ощущающих необходимость борьбы против змия-искусителя, особенно важно в эпоху постмодернизма, и Шуф своими творениями, указывающими вектор пути человеческой жизни, словно призывает читателя бороться с грехом, со страстями, внушаемыми врагом рода человеческого, стремиться к победе над презренным, гнусным змием, Сатаной, Дьяволом, как Георгий Победоносец — отважный Змееборец.


1. Титова Н.С. К вопросу о диалоге В.А.Сумбатова с В.А.Шуфом // Вопросы русской литературы. Симферополь: Крымский федер. ун-т им. В.И.Вернадского, 2015. № 3. С. 85-104.
2. Титова Н.С. В.А.Шуф и Серебряный век русской литературы // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): Сб. статей по итогам III Междун. научн. конф. (МГОУ, 29—30 июня 2018 г.) / Сост. и ред. Л.Ф.Алексеева, В.Н.Климчукова, С.В.Крылова. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 195-203.
3. Владимир Александрович Шуф: [сайт] [Электр. ресурс]. URL: http://v-shuf.narod.ru/ (дата обращения: 19.06.2019).
4. Афанасьев Н. В.А.Шуф (Некролог) // Петербургский листок. 10 ноября 1913 г.
5. Юрьин Н. В.А.Шуф как поэт // Петербургский листок. 10 ноября 1913 г.
6. Моторин А.В. Самодержавное начало в древнерусской словесности [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. 2019. № 2(20).. URL: https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1506260 (дата обращения: 19.06.2019).
7. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч. В 30 т. Т. VI. Л.: Наука, 1973. С. 34.
8. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изученияславянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. М.: Изд-е К.Солдатенкова, 1865—1869.
9. Веселовский А.Н. Св. Георгий в легенде, песне и обряде // Веселовский А.Н. Разыскания в области русских духовных стихов. В 6 вып. Вып. 2. Часть II. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1880. 228 с.
10. Кирпичников А.И. Св. Георгий и Егорий Храбрый: Исследование литературной истории христианской легенды. СПб.: Тип. В.С.Балашева, 1879. 193 с.
11. Рыстенко А.В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. Одесса: Экономическая тип., 1909. 536 с.

12. Рыстенко А.В. Новогреческая обработка легенды о св. Георгии и драконе. Одесса: Экономическая тип., 1909. 28 с.
13. Лопарев Х.М. Новейшая литература о св. Георгии Победоносце // Византийский временник, издаваемый при Имп. Акад. наук. Т. XX. Вып. 1. СПб., 1913. С. 25-50.
14. Алпатов М.В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XII. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 292-310.
15. Пропп В.Я. Змееборство Георгия в свете фольклора // Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973. С. 190-208.
16. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки // Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 216-280.
17. Сендерович С.Я. Георгий Победоносец в русской культуре: Страницы истории. 2-е изд., перераб. М., 2002. 366 с.
18. Бер-Глинка А.И. Змея как сексуальный и брачный партнер человека. Еще раз о семантике образа змеи в фольклорной традиции европейских народов // Культурные взаимодействия. динамика и смыслы. Сборник статей в честь 60-летия И.В.Манзуры. Кишинев, 2016. С. 435-575.
19. Налегач Н.В. Мотив змееборчества в поэзии Н.С.Гумилёва // Язык. Миф. Этнокультура / Кемеров. гос. ун-т; Отв. ред. Л.А.Шарикова. Кемерово: Графика, 2003. С. 230-236.
20. Шуф В.А. Крымские стихотворения. М.: Типо-лит. Д.А.Бонч-Бруевича, 1890. 147 с.; 2-е изд., доп. СПб.: тип. А.Пороховщикова, 1898. 376 с.
21. Шуф В.А. В край иной...: Сонеты. СПб.: Т-во Р.Голике и А.Вильборг, 1906. 228 с.
22. Шуф В.А. Гибель Шемахи. СПб.: Типография газ. «Петерб. листок», 1902. 16 с.
23. Шуф В.А. На Востоке: Записки корреспондента о Греко-Турецкой войне. СПб.: Экон. типо-лит., 1897. 230 с.
24. Шуф В.А. Кто идёт? СПб.: Т-во Р.Голике и А.Вильборг, 1907. 255 с.
25. Титова Н.С. Реализация исконного этимологического значения слова «революция» в творчестве В.А.Шуфа [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. 2018. № 2(14). URL: http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1442342. (дата обращения: 19.06.2019).
26. Шуф В.А. Арфа Пустыни [Электр. ресурс] // Новое время. 27.07.13. № 13424. С. 5-6 // Владимир Александрович Шуф: [сайт]. URL: http://v-shuf.narod.ru/public1.htm (дата обращения: 30.04.2018).
27. Шуф В.А. Рыцарь-инок. СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1908. 109 с.
28. Кернер. Москва. Перевод Шуфа В.А. [Электр. ресурс] // Новое время. 07.08.12. № 13076 // Владимир Александрович Шуф: [сайт]. URL: http://v-shuf.narod.ru/public1.htm (дата обращения: 30.04.2018).

**References**

1. Titova N.S. K voprosu o dialoge V.A.Sumbatova s V.A.Shufom [On the dialogue between V.A. Sumbatov and V.A. Shuf]. Voprosy russkoy literatury. Simferopol': Krymskiy feder. un-t im. V.I.Vernadskogo, 2015, no. 3, pp. 85-104.
2. Titova N.S. V.A.Shuf i Serebryanyy vek russkoy literatury [Shuf and the Silver Age of Russian Literature]. Proc. of “Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya v kontekste epokhi («Smirnovskie chteniya»)”. Moscow, 2019, pp. 195-203.
3. Vladimir Aleksandrovich Shuf: [sayt] [Vladimir Aleksandrovich Shuf: a website]. Available at: http://v-shuf.narod.ru/ (accessed: 19.06.2019).
4. Afanas'ev N. V.A.Shuf (Nekrolog) [V.A. Shuf ( The obituary)]. Peterburgskiy listok, 10 noyabrya 1913 g.
5. Yur'in N. V.A.Shuf kak poet [Shuf as a poet]. Peterburgskiy listok, 10 noyabrya 1913 g.
6. Motorin A.V. Samoderzhavnoe nachalo v drevnerusskoy slovesnosti [Principle of autocracy in old russian literature]. Memoirs of NovSU, 2019, no. 2(20). Available at: https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1506260 (accessed: 19.06.2019).
7. Dostoevskiy F.M. Prestuplenie i nakazanie [Crime and punishment]. In: Complete works in 30 vols, vol. VI. Leningrad, 1973, p. 34.
8. Afanas'ev A.N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniyaslavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov in 3 vols [Poetic views of Slavs on the nature: comparative studying of Slavic legends and beliefs in connection with mythical legends of other related peoples in 3 vols.]. Moscow, 1865—1869.
9. Veselovskiy A.N. Sv. Georgiy v legende, pesne i obryade [St. George in legend, song and rite]. In: Veselovskiy A.N. Razyskaniya v oblasti rus-skikh dukhovnykh stikhov in 6 iss., iss. 2, part II. St. Petersburg, 1880. 228 p.
10. Kirpichnikov A.I. Sv. Georgiy i Egoriy Khrabryy: Issledovanie literaturnoy istorii khristianskoy legendy [St. George and Egor the Brave: Study of the literary history of the Christian legend.]. St. Petersburg, 1879. 193 p.
11. Rystenko A.V. Legenda o sv. Georgii i drakone v vizantiyskoy i slavyano-russkoy literaturakh [Legend of St. George and the Dragon in Byzantine and Slavic-Russian literature]. Odessa, 1909. 536 p.
12. Rystenko A.V. Novogrecheskaya obrabotka legendy o sv. Georgii i drakone [New Greek interpretation of the legend of St. George and the the Dragon.]. Odessa, 1909. 28 p.
13. Loparev Kh.M. Noveyshaya literatura o sv. Georgii Pobedonostse [Recent studies about St. George the Victorious]. Vizantiyskiy vremennik, izdavaemyy pri Imp. Akad. Nauk, vol. XX, iss. 1. St. Petersburg, 1913, pp. 25-50.
14. Alpatov M.V. Obraz Georgiya-voina v iskusstve Vizantii i drevney Rusi [Image of George the Warrior in art of Byzantium and Ancient Russia]. Trudy Otdela drevnerusskoy literatury, vol. XII. Moscow, Leningrad, 1956, pp. 292-310.
15. Propp V.Ya. Zmeeborstvo Georgiya v svete fol'klora [St. George’s dragon fighter motif in Russian folklore]. In: Fol'klor i etnografiya Russkogo Severa. Leningrad, 1973, pp. 190-208.
16. Propp V.Ya. Morfologiya volshebnoy skazki [Morphology of a Folktale]. In: Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. St. Petersburg, 1996, pp. 216-280.
17. Senderovich S.Ya. Georgiy Pobedonosets v russkoy kul'ture: Stranitsy istorii [St. George the Victorious in Russian culture: pages of history.]. Moscow, 2002. 366 p.
18. Ber-Glinka A.I. Zmeya kak seksual'nyy i brachnyy partner cheloveka. Eshche raz o semantike obraza zmei v fol'klornoy traditsii evropeyskikh narodov [Serpent as a Bride and an Intimate Partner of a Man. Once more about the semantics of serpent in European folklore]. Coll. of papers “Kul'turnye vzaimodeystviya. dinamika i smysly”. Kishinev, 2016, pp. 435-575.
19. Nalegach N.V. Motiv zmeeborchestva v poezii N.S.Gumileva [Motif of a dragon fighter in N.S.Gumilyov’s poetry]. In: Sharikova L.A., ed. Yazyk. Mif. Etnokul'tura. Kemerovo, 2003, pp. 230-236.
20. Shuf V.A. Krymskie stikhotvoreniya [Crimean poems.]. Moscow, 1890. 147 p.; 2-e izd., dop. St. Petersburg, 1898. 376 p.
21. Shuf V.A. V kray inoy...: Sonety [To another land… Sonnets]. St. Petersburg, 1906. 228 p.
22. Shuf V.A. Gibel' Shemakhi [Shemaha’s death.]. St. Petersburg, 1902. 16 p.
23. Shuf V.A. Na Vostoke: Zapiski korrespondenta o Greko-Turetskoy voyne [In the East: Notes of a correspondent about the Greek-Turkish war.]. St. Petersburg, 1897. 230 p.
24. Shuf V.A. Kto idet? [Who goes there?]. St. Petersburg, 1907. 255 p.
25. Titova N.S. Realizatsiya iskonnogo etimologicheskogo znacheniya slova “revolyutsiya” v tvorchestve V.A.Shufa [Implementation of original etymological meaning of the word “revolution” in the works of V.A.Shuf]. Memoirs of NovSU, 2018, no. 2(14). Available at: http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1442342. (accessed: 19.06.2019).

26. Shuf V.A. Arfa Pustyni [Desert harp]. Novoe vremya. 27.07.13. № 13424. C. 5-6 . Vladimir Alek-sandrovich Shuf: [sayt]. Available at: http://v-shuf.narod.ru/public1.htm (accessed: 30.04.2018).
27. Shuf V.A. Rytsar'-inok [Knight-monk]. St. Petersburg, 1908. 109 p.
28. Kerner. Moskva. Perevod Shufa V.A. [Translation of V.A. Shuff's works]. Novoe vremya. 07.08.12. № 13076. Vladimir Aleksandrovich Shuf: [sayt]. Available at: http://v-shuf.narod.ru/public1.htm (accessed: 30.04.2018).

**Titova N.S. The dragon fighter motive in V.A.Shuf's works as the reflection of St. George fight against the satanic host.** The present paper is concerned with the work of Vladimir Shuf, a Russian all but forgotten poet of the Silver Age whose collection of sonnets "To another land…" had an Honored Pushkin testimonial. The study is novel in that the author has analysed for the first time ever the emblematic dragon fighter motive that was one the main motives in Shuf's rich heritage. In the body of the study there has taken place a brief review of the restoration of the poet and his works in the historical and literary process on the cusp of the XIX—XX centuries. It has been noticed that in his works Shuf indicated the way of inheriting truly spiritual orthodox values by contrast to the modernists' enmity toward God. The study results have proved the important role of the motive of fighting against the satanic host, against the Devil incarnated in the word-picture of the Serpent or Dragon (or Eblis in the Islamic religion). Traditionally, this is St. George the Dragon Slayer who is destined to fight off the Enemy. The empirical material has shown St. George the Dragon Slayer was an evident character just in two Shuf's works, but his image can be implicitly seen in other writings of the poet. Shuf being a custodian of Russian literary spiritual traditions, especially of Turgenev and Dostoevsky, interpreted the images of the revolutionaries as obsessed by demons. So, the considerable research on the dragon fighter motive in Vladimir Shuf's works has led to the conclusion that the poet confirmed the inevitability of apocalyptic upheavals for Russia in the case of its loss of spiritual values and the mission of each person to fight off the Serpent while going by one's road to heaven.

***Keywords:*** dragon fighter motive, St. George the Dragon Slayer, Vladimir Aleksandrovich Shuf, the Silver Age of the Russian literature, historical and literary process on the cusp of the XIX—XX centuries.

**Сведения об авторе.** Наталья Станиславовна Титова — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения факультета лингвистики и межкультурной коммуникации МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0002-6160-0144; ns_titova@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к публикации 15.03.2020.